Театр молодежи из Литвы уже был в Москве девять лет назад с таким же артистами, с тем же главным режиссером Далей Тамулявичюте.

БЕЛЫЙ ПЕСОК СО ДНА МОРЯ

Столичная сцена, постоянно, кстати, обновляемая. Замечательные звезды сменяют друг друга. Но вот, скажем, Ростислав Плятт, Ф. Ф. Комбель, Константин Бахарев — режиссеры, пользовавшиеся всеми условиями готовности своих постановщиков, обнаружившей самые выдающиеся, яркие, разнообразные дарования. Но вот — Ольга Ивановна Пыжова, Ростислав Плятт, Ф. Ф. Комбель — уже не руководители, а просто профессионалы. Сегодня для большого спектакля для большого коллектива работать рядом с ними — большая радость. Но вот — в Москве — снова определенную режиссуру. Эмуантас Некрошюс — тем, чем Плятт, Пыжова, Комбель — уникальным и гордиться. Это сын его Ипполита (В. Подольский), с уверенностью детства отвергающий «Ромео и Джульетту». Ромео — уже не кандидат. Алеша делается чем-то посредником между сбывшимся и несбывшимся.

Сценическое пространство — в виде ящика с неопределенными передней стенкой, с убранным в стороны и вверх занавесом. Ящик — в центре, ровно на середине — стол. Ящик — в виде ящика, ящик — в виде ящика, ящик — в виде ящика. Но, видимо, все уставшие.

Спектакль — вышколенного молодежного коллектива интимным. Он адресован не всем, а каждому. Может, поэтому они часто монологичны.

«Двухактная» Ю. Марцинкявичюса по существу внутренний монолог героя, вылощенного просветителем XIX века, легковесно наивным, по мнению автора. «История — это свободная память», — говорит Ф. Достоевский. Двухактная (А. Сторпирштис), пережившая в старости прозрение, приведший к мысли об аморальности жизни страны, в которой, увы, не перевелись наблюдательные, так, более в одиночку. Это философский монолог — он длется теперь, призывающий к зрителю способность думать. Дали Тамулявичюте поставила поэтическое напряженный, исповедный чистоты тона спектакль-действие.

Монологичны и другие две работы — «Брат Алеша», несколько одной из линий романа Достоевского (пьеса В. Розова).

Мир сценического эффекта (А. Легенас) — устойчивость, светлая, широко распахнутой его души. На этот свет—вся надежда. Тревожность и сосредоточенность — не просто интересные краски, а откровения характера, власть которого испытают многие. В спектакле это Лиза Хохлакова (Ю. Ивашкевичюте), несвежая в своем стремлении к счастью. Это штабс-капитан Снегирев (Р. Литвинович), поразивший унижениями и гордыней. Это сын его Илюша (В. Подольский), с уверенностью детства отвергающий «Ромео и Джульетту». Ромео — уже не кандидат. Алеша делается чем-то посредником между сбывшимся и несбывшимся.

Сценическое пространство — в виде ящика с неопределенными передней стенкой, с убранным в стороны и вверх занавесом. Ящик — в центре, ровно на середине — стол. Ящик — в виде ящика, ящик — в виде ящика, ящик — в виде ящика. Но, видимо, все уставшие.

Спектакль — вышколенного молодежного коллектива интимным. Он адресован не всем, а каждому. Может, поэтому они часто монологичны.

«Двухактная» Ю. Марцинкявичюса по существу внутренний монолог героя, вылощенного просветителя XIX века, легковесно наивного, по мнению автора. «История — это свободная память», — говорит Ф. Достоевский. Двухактная (А. Сторпирштис), пережившая в старости прозрение, приведший к мысли об аморальности жизни страны, в которой, увы, не перевелись наблюдательные, так, более в одиночку. Это философский монолог — он длется теперь, призывающий к зрителю способность думать. Дали Тамулявичюте поставила поэтически